

ЕВРОСОЮЗ – РОССИЯ – ЭНЕРГЕТИКА: ПРОБЛЕМНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Архитектура европейской безопасности в уходящем году вывела на новый виток широкомасштабную политическую дискуссию, которая не прекращается уже, пожалуй, не одно десятилетие. В 2008 году причиной усиления разницы во взглядах России и Запада на проблемы безопасности в Европе стали события на Кавказе. Война в Южной Осетии не просто нарушила баланс сил на евразийском пространстве, но и подтолкнула такой непростой и многогранный политический организм как Евросоюз к поиску более цельной стратегии своей безопасности, в том числе ее базисного аспекта – энергетического.

Возрастающая зависимость Европы от импортируемых углеводородных энергоносителей поистине приобрела характер острой политической проблемы. Баснословная цена на нефть, потянувшая за собой и рост цены на природный газ, несмотря на наблюдаемое в настоящее время снижение, в среднесрочной перспективе не намерена покидать набранную высоту.

Среди приоритетов политики энергетического развития Евросоюза – избежание стратегической зависимости. Тем не менее, реально дела обстоят так, что ряд стран – членов ЕС уже находится в положении стратегической зависимости от российского природного газа, и она только усиливается. К примеру, удельный вес поставок «Газпромом» газа в страны Центральной и Восточной Европы, являющиеся новыми членами Евросоюза, достигает почти 100 %. И в обозримом будущем потребность Европы в природном газе будет возрастать. Даже по самым скромным прогнозам, спрос на импорт природного газа в ЕС к 2030 году удвоится по сравнению с 2002-м и достигнет 400 млрд. кубометров в год.

С другой стороны, у Европы возникает все больше сомнений, сможет ли Россия удовлетворить этот скачок газового спроса в одиночку. Так, в своем исследовании «Европейская энергетическая безопасность»

научный директор департамента евразийских исследований Упсальского университета (Швеция) Сванте Корнелл отмечает, что в газовой сфере Россия переживает инвестиционный кризис, при этом прилагая не слишком много усилий для инвестирования в инфраструктуру ради существенного увеличения производства продукции, в частности на месторождениях Ямала.

И напротив, производители энергоносителей Каспийского бассейна – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – значительно усилили позиции своих газо- и нефтедобывающих отраслей. Один Туркменистан производил в поздний советский период около 90 млрд. кубометров газа в год, тогда как «Газпром» поставляет сейчас в Европу порядка 140 млрд. Нефтегазовые гиганты Каспийского региона обладают большим производственным потенциалом, чем «Газпром», но их внутренние рынки намного меньше российских, а экспортные возможности России ограничены значительным объемом внутреннего потребления.

Очевидна крайняя заинтересованность Евросоюза в том, чтобы нефть и газ из Азербайджана, Туркменистана и Казахстана в ближайшие десятилетия шли в Европу во всё больших количествах. Этот процесс был начат с завершением в 2006 году строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, по которому в настоящее время сырая нефть поставляется на европейские нефтеперерабатывающие предприятия. Кстати, их мощность предполагается увеличить до 85 млн. т в год. Но вопрос о проводящей сети каспийского газа в Европу остается открытым. И пока это так, Россия старается использовать свое положение монополиста, выигрывая на колоссальной разнице в цене при покупке центральноазиатского газа и его продаже на европейские рынки.

Более того, в отношении стран бывшего СССР, не являющихся производителями

энергосырья, Москва использовала свою перманентную монополию как политический инструмент. По многочисленным поводам Россия перекрывала газ Грузии. К примеру, в 2001 году такой «блокаут» произошел 1 января, даже несмотря на то, что поставки газа в Грузию были проплачены вперед американской компанией-поставщиком «AES». Аналогичный случай имел место в июле 2006-го в Литве, когда топливо перестало поступать на литовскую территорию «по техническим причинам».

С созданием нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан Российская Федерация утратила тотальную монополию на транспортировку нефти с западного побережья Каспия, но на каспийский газ, как и на нефть с восточного побережья Каспия, ее монополия сохраняется. Российское газовое господство поставлено под угрозу строительством газопровода Баку – Эрзурум, который идет параллельно нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан, поставляющему газ из месторождения Шах-Дениз на турецкие рынки. Однако Москва пытается проникнуть и туда с большими объемами экспорта. Для этого был задуман газопровод «Голубой поток», возведение которого позволит поставлять в Турцию около 10 млрд. кубометров газа в год. Это «ход конем» со стороны России. Поскольку турецкий рынок уже перегружен предложениями газа, строительство «Голубого потока» ставит под большое сомнение возможность покупки Турцией всего объема азербайджанского газа из Шах-Дениз на первой стадии его поставок до 2011 года.

В этом контексте очевидно, что стратегия Москвы направлена на отсечение альтернативных (не российских) маршрутов поставок газа в Европу и самостоятельное заполнение ниши газового спроса. Еще один яркий пример российской стратегии в этом плане – проект «Северный поток». Его стоимость оценивается приблизительно в 10,5 млрд. долларов. Это значительно дороже, чем строительство нового трубопровода через Беларусь или Украину. Однако непосредственная задача проекта именно в том и состоит, чтобы газ поступал в Западную Европу без пересечения территории бывших советских республик. Другими словами,

«Газпром» сможет беспрепятственно перекрыть газ в Украину или Беларусь, и это никак не отразится на западноевропейских потребителях. По аналогии, расширенная версия «Голубого потока» позволит «Газпрому» переправлять объемы газа, вероятнее всего приобретенного в Центральной Азии, на европейский рынок, лишая каспийских газовых поставщиков возможности независимо продавать голубое топливо на Запад.

Этим российская газовая стратегия не ограничивается. Помимо достижения устойчивой монополии на европейский газовый импорт с Востока, Москва стремится к большему влиянию на альтернативные поставки в Европу, прежде всего из Северной Африки. В случае с Алжиром (а это третий по объемам поставщик газа в Европу) Россия успешно предложила ему поставки оружия на многие миллиарды долларов, а также списание долга, в обмен на проекты по совместной газодобыче и совместному топливному маркетингу в Европе.

Таким образом, очевидно, что Москва использует свои возможности в энергетической сфере как инструмент политического влияния на окружающие страны, а также Европу в целом.

Ведь вследствие «газовой дипломатии» России Европа оказывается в значительной степени ограниченной в плане влияния на пространство СНГ. Естественно, Евросоюз такое положение не устраивает, а потому в качестве стратегической альтернативы позиционируется так называемый коридор Восток – Запад.

Всего лишь несколько лет назад экспорт каспийских нефти и газа в Евросоюз казался чем-то утопичным. Тем не менее, развитие событий сделало эту идею более чем реалистичной. Существует две основных приоритетных задачи для реализации плана коридора Восток – Запад: 1) соединение турецкой и европейской газопроводящих сетей; 2) соединение Западного и Восточного Каспия транскаспийскими трубопроводами. Это создает виртуальный закавказский газовый коридор в Европу, который может

быть дополнен – при экономической жизнеспособности – соединением с маршрутами от Закавказья через Черное море к европейским странам (в частности, проект газопровода «Набукко» предполагает поток голубого топлива через Дарданеллы в Австрию). Следует отметить, что такой комплекс альтернативных энергетических артерий отвечает долгосрочным интересам не только Европы. Диверсификация маршрутов энергетических поставок в Европу подвигнет Россию к более динамичным реформам в экономике, заставив ее «слезть» с пресловутой «нефтегазовой иглы». Ведь, по сути, одним из факторов активизации проекта коридора Восток – Запад явилась негибкость российских государственных монополий, «Газпрома» и «Транснефти». Они фак-

предстоит решить несколько первоочередных задач в Кавказском регионе.

Во-первых, благодаря максимально возможной финансовой помощи ускорить реализацию всех существующих проектов транспортного коридора, соединяющего Европу через Кавказ с Центральной Азией, дополнив эту помощь серьезными политическими соглашениями.

Во-вторых, Евросоюз заинтересован в интернационализации процесса мирного урегулирования конфликтов в Кавказском регионе. Но в этом плане Запад, и Евросоюз в частности, пока терпит поражение. Более того, Москва стремится опередить ЕС и НАТО в своей дипломатической активности, предлагая свои «рецепты лечения» таких застарелых болевых точек, как, например, Нагорный Карабах.

Наконец, Европа намерена продолжать играть ключевую роль в поддержке политических процессов демократизации и экономической модернизации, основанных на верховенстве закона, защите частной собственности и свободе предпринимательства, в государствах Закавказья и Центральной Азии.

Суммируя вышесказанное, нельзя не отметить возрастающее геополитическое значение региона Кавказа и Черного моря. Это единственные «ворота», через которые Евросоюз может получить доступ к несметным сырьевым богатствам Каспия. С другой стороны, закавказские государства весьма заинтересованы в развитии транснациональных проектов на своей территории, так как ввиду относительной географической изолированности (особенно это касается Армении и Грузии) интенсификация проектов Запада приветствуется здесь как фактор своего экономического, а вместе с ним и политического усиления. Отсюда и понятное стремление той же Грузии к более активному вовлечению в евроатлантические институты, вплоть до членства в НАТО.

Жизненная важность для ЕС Кавказа и Каспия порождает двойственную перспективу. С одной стороны, ключевая роль в обеспечении Европы нефтью и газом на руку Кавказу в качестве фундамента для развития всестороннего сотрудничества с Европой и, как след-

Проект газопроводов «Южный поток» и «Набукко»

тически вынудили других производителей оглядываться по сторонам в поисках альтернативных рыночных путей. Делая выбор в пользу эксплуатации своего контроля за энергетическим обеспечением Европы в качестве геополитического оружия, Россия вынуждает своих южных соседей отвечать инициативами, которые направлены на сохранение экономического суверенитета. Чтобы обеспечить эффективное выполнение стратегических планов относительно своей энергобезопасности, Евросоюзу

ствие, для различного рода интеграционных проектов, позволяющих добиться позитивных результатов в повышении благосостояния региона, что может служить своего рода залогом стабильности. С другой – есть и риск, ведь чем больше стратегическая значимость Кавказа, тем реальнее угроза того, что этот регион будет становиться объектом геополитического соперничества между Россией и Западом. По мнению директора Исследовательского института «Запад–Восток» Грега Остина, с которым автор статьи беседовал в Брюсселе, Евросоюз обладает достаточным потенциалом для того, чтобы сыграть положительную роль в укреплении единой европейской безопасности и, в частности, урегулировании кавказских проблем. «Однако вся беда в том, что ЕС пока так и не смог выработать последовательную и целостную стратегию отношений с Россией. И пока он этого не сделает, продвигать какие-либо реально эффективные проекты безопасности регионального масштаба будет крайне затруднительно», – убежден эксперт. При этом полагаться на заатлантического союзника – США – в вопросе формирования более стабильной архитектуры европейской безопасности, мягко говоря, не совсем перспективно для Брюсселя ввиду некоторой специфики геополитических интересов Вашингтона, во многом отличных от европейских. Даже оптимистичные прогнозы, связанные с приходом к власти в Соединенных Штатах администрации Барака Обамы, не могут не учитывать, например, того очевидного факта, что новый американский лидер более озабочен решением проблем в Афганистане и Пакистане, чем процессом переговоров по новому договору о безопасности в Европе.

«Не думаю, что в вопросе нового видения безопасности в Европе Вашингтон сможет как-то радикально поменять свою позицию. Но при этом позитивной оценки заслуживает то, что Обама демонстративно «взял паузу» в развертывании американского проекта ПРО. И это является в определенной степени символическим: значит, диалог между Западом и Востоком в вопросах безопасности возможен», – считает Грег Остин.

В чем же залог успешного движения вперед в вопросах понимания строительства безопас-

ности общего европейского дома? По мнению эксперта, «на Западе должно родиться более четкое и глубокое осознание того, что представляет собой Россия и какой вариант взаимоотношений с ней будет наиболее выгодным и продуктивным. Россия имеет очень позитивную волю к выработке совместных с Западом решений, волю к объединению усилий. Европа должна ценить эту волю. Если такая страна с огромными ресурсами про-

являет волю к сотрудничеству, Старому Свету нельзя упускать возможность использования этого могущественного потенциала». К сожалению, на Западе пока не произошло окончательного признания России в качестве реального партнера и союзника. Существует некий психологический барьер, который проявляется как в иррациональной склонности западного общества во всем видеть агрессию «русского медведя», так и в фундаментальном убеждении европейских политиков, что российская внутривластная система остается крайне несовершенной в плане верховенства закона, борьбы с коррупцией и обеспечения демократических свобод.

Как отметила в беседе с автором аналитик Центра европейской политики (Брюссель) Аманда Акчаоча, в любом случае поворот к новому мышлению в вопросах архитектуры европейской безопасности не может предполагать некий готовый к воплощению «хоть завтра» набор конкретных мер вроде роспуска НАТО. Перспективу имеет лишь очень длительный, очень медленный, поэтапный процесс диалога, который, возможно, займет не одно десятилетие. И если в таком диалоге свое отражение найдут позиции всех заинтересованных сторон, вылившийся в максимально возможный компромисс, – только тогда можно будет говорить о подлинной региональной стабильности.

Владимир ВАСИЛЬКОВ

Минск – Брюссель ■

Планируемый маршрут трубопровода BTC-2